

СНЕЖАНА РЕЗНИКОВА

ЗАПАХ КОФЕ И ЖВАЧКА НА АСФАЛЪТЕ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

МД

18+

Снежана Резникова

Запах кофе и жвачка на асфальте

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57480236

SelfPub; 2020

Аннотация

Действие романа происходит летом 2001 года. Обычная 30-летняя учительница впервые в своей жизни путешествует в Испанию. Ее цели непонятны и расплывчаты, она сама толком не знает, чего хочет, зачем приехала. Официальная версия – заработать деньги и вернуться домой. Но героиня хорошо знает, что идея вырваться из перманентной нищеты – это лишь повод для того, чтобы найти себя и свой путь. «Запах кофе и жвачка на асфальте» это правдивая история, которая была прожита, выстрадана, а потом переписана на чистовик. Эксцентричная перспектива новоиспеченной эмигрантки открывает для себя и читателей новый мир, доселе неведомый, а потому и очень интересный. Героиня наделена отвагой и умом, которые помогают ей противостоять незнакомой земле, наполненной опасностями и сокровищами, которые ей надо найти и завоевать. Ее молодость, оптимизм должны уничтожить все препятствия, которые перед нею стоят, чтобы прийти к маловероятному

тайному месту, где ее мечта сбудется... Содержит нецензурную брань.

Содержание

1 июня	6
2 июня	13
3 июня	28
4 июня	33
5 июня	36
6 июня	39
7 июня	43
8 июня	47
9 июня	49
10 июня	51
11 июня	54
12 июня	59
13 июня	61
14 июня	65
15 июня	70
16 июня	75
17 июня	78
18 июня	81
19 июня	83
20 июня	86
21 июня	88
22 июня	90
Конец ознакомительного фрагмента.	92

*Te puedo abrir la puerta, pero la tienes que atravesar
tú.*

Matrix¹

¹ «Я могу открыть тебе дверь, но пересечь ее должен ты» («Матрица»).

1 июня

*Я в свет пустился без гроша,
Но был беспечный мальй.
Богатым быть я не хотел,
Великим быть – пожалуй!*

Р. Бернс

Голова у меня всегда забита всякими глупостями. Еще подростком, начитавшись французских романов, я во что бы то ни стало решила выработать аристократическую походку. Водрузив на голову кипу книг, выпрямив спину и изо всех сил стараясь сохранять равновесие, я отважно вышагивала по паркету. Результаты были поразительны: через пару недель со мной стали сухо здороваться приятельницы, а пацины, заливаясь смехом, прилепили мне кличку «Снежная Королева». Другая бы моментально ссутулилась, но не на такую напали: мушкетерская выучка гласила – не отступать.

А ну так вот, о глупостях: я еду на ночном автобусе Барселона – Мадрид, что само по себе глупостью назвать нельзя. Дурь, напавшая некстати, заключается в том, что взбалмошная Королева захотела это сделать 1 июня, то есть через три дня после того, как спустилась по трапу самолета Москва – Барселона в солнечное туманное утро Каталонии. Согласитесь, это символично: начинать новую жизнь с первого числа, вместо того чтобы продолжать валяться на горячем ра-

кушечном пляже. Нумерология тоже настоятельно рекомендует эту дату. Коротко говоря, поскольку приметы придают уверенности в себе, я ими пользуюсь.

Рядом со мной сидит симпатичный испанец с типичной эспаньолкой и с интересом поглядывает на мои каракули и на меня. Бог мой, неужели я ему понравилась! В таком случае одно из двух: или испанцы крайне неразборчивы, или сплошь сексуальные маньяки. Скажите, пожалуйста, кому может понравиться с первого взгляда, если не углубляться в интеллектуальные дебри и познания или милый характер, восьмидесятикилограммовая тетя? В принципе испанские мужчины как тип мне интересны... для изучения.

Час спустя.

Попытался-таки завязать знакомство, но дело не увенчалось успехом: я по-испански ни агу, он – по-английски. Помычали немного, вместе вышли на стоянке, выпили кофе, пообщались еще чуть-чуть при помощи жестов, но руки и скулы быстро устали от непривычной работы, поэтому общение плавно прервалось.

Нет, пора всерьез заняться лишним весом. И изучением испанского... А вскоре и поисками квартиры... А также работы... По ходу событий точно прибавится еще пара десятков дел.

Надеюсь, меня встретят на вокзале...

Что ж, вокзал очень мил, а ждать встречающих придется около часа. Ведь договаривались...

Наконец появились два больших славянских парня: у одного видеокамера в руках, видимо, чтобы запечатлеть историческую встречу, второй с дружелюбно распростертыми объятиями спешит навстречу.

– Бьенбенидос! – блещу я немногими познаниями в испанском.

– Бьенбенида, чукча, – почему-то отозвался Сашка. Его я только раз видела на родине, зато наслышана и про то, как он скрупулезен и ловок в работе, и про то, как не пропускает ни одной юбки, и как вляпался в какую-то неприятность с местной братвой, после чего быстро купил билеты на самолет и укатил в солнечную Испанию. – Познакомься с моим братом. Васек, подойди к тете поближе, она не страшная.

Тощий, но жилистый Васек застенчиво приблизился и поцеловал в обе щеки, таким образом мой третий поцелуйчик завис в воздухе.

– Привыкай, старушка, на поцелуях экономить: двух раз достаточно.

– Не знала, не знала.

– Где наш знаменитый чемодан?

– Да это просто сумка; подумаешь, знаменитость.

– А как же! Я про то, что в нее даже бабочка не поместится, не то что лишняя бутылка водки, всю жизнь помнить буду!

– Ладно, поехали домой, приезд надо отметить, да и отдохнуть тебе с дороги, – вмешался Вася.

Вторая мысль мне больше понравилась, чем первая, но

приличия требовали принять и ту, и другую. Уже совсем рассвело, когда автобус домчал нас до Вентас, район, где жили ребята. Он показался мне прекрасным: высокие клены по обеим сторонам шоссе, заливающиеся этим ранним утром птицы вселили в меня такую невиданную радость, таким умиротворением наполнили душу, что я сразу решила: все у меня получится.

Сашина жена не показалась очень уж приветливой, но стол для далеких гостей накрыла, как полагается, по русскому обычаю. Оба парня – высокие, с ввалившимися щеками и ссутулившимися от тяжелой физической работы плечами. Ира – полная им противоположность, эдакая матрона, широколицая и синеглазая, правда, одетая при этом в коротенький легкомысленный халатик в крупную ромашку.

– Ирок, ты основное забыла, – сказал Саша.

– Я ничего не забыла, – подчеркнув я, недовольно отозвалась Ирина.

– Гости-то дорогие... Из-за границы, между прочим, – продолжал намекать Сашок.

– Если вы обо мне беспокоитесь, то ни к чему: тут всего достаточно, – сказала я.

– Как же, а приезд твой обмыть! А то не по-людски получается.

– Не по-людски в шесть утра водку пить, – сказала Ира.

В душе я была абсолютно с ней согласна, но отправиться второй раз на выручку, не разобравшись в аборигенской

иерархии, не решилась.

Обмыв моего приезда все-таки состоялся, и умиротворенные парни отправились на стройку.

– Ты поспи, отдохни с дороги, а когда приду с работы, пойдем тебе квартиру искать.

– Разве я не с вами останусь? – перспектива жить с посторонними людьми, иностранцами, честно говоря, не очень радовала.

Когда я выразила свои сомнения вслух, Ира от души расхохоталась:

– Запомни, иностранка здесь ты! Послушай, тебе же полезно будет постоянно слушать испанскую речь и учить язык понемногу.

Грубо говоря, такой ход событий меня не вполне устраивал, но выбирать не приходилось. Поэтому, как только за Ирой закрылась дверь, я повалилась на жесткую полуторку в маленькой, заваленной кучей вещей комнате и уснула как убитая.

14:00

Дверь открыла большая черная женщина, открыто и дружелюбно улыбаясь. Такие улыбки в американском кино показывают, и таких женщин тоже. Мы застыли на пороге, оскалившись ей в ответ. Думаю, моя мина все-таки была немного натянута. Из квартиры пахло чем-то мощным, древним, доисторическим.

– Господи, – сказала я, – откуда этот запах? Дезодорант

такой, что ли?

– Нормальный запах черного человеческого тела, – сказала Ирина. – А теперь помолчи, я буду договариваться.

– Подожди секундочку, – взмолилась я. – Ира, я же не выдержу, я не привыкла к такому.

– Сама квартиру искать будешь?

– Нет. Ты же знаешь, что я не могу, не говорю то есть...

– А у меня нет времени, чтобы искать что-то другое, – сказала Ира.

Такая прямота и раздражала, и успокаивала: выбора нет – будь что будет.

Переговоры увенчались успехом, я заплатила за месяц вперед, и мы рысью отправились за моими вещами на квартиру ребят, расположенную всего в трех кварталах от моего нового жилья. Все еще продолжаю удивляться: несмотря на дородную фигуру, Ирина быстрая и проворная. Видно, привыкла ее носить, фигуру то есть. У меня в этом плане трудности: я невероятно устаю от чертовски огромного тела. Ира, оказавшись на улице, залилась смехом:

– Ты – расистка?

– Почему же, – обиделась я. – Нас в школе учили, что быть расистом нехорошо... Вот только про запахи никто никогда словом не обмолвился!

– Обидное упущение, – сказала Ира. – Да ладно, ты не волнуйся, можешь приходить к нам в гости, когда захочешь.

– А если я все время буду хотеть?

– Не получится: мы работаем, да и тебе надо работу искать. Сколько денег-то осталось?

– Откуда ж я знаю, с этими песетами у меня голова кругом. Гм, десять тысяч. Это много или мало?

– Это шестьдесят долларов, – мгновенно посчитала Ира.

2 июня

Я всегда во что-то верил и постоянно нарывался из-за этого на неприятности. Чем больше меня щелкали по носу, тем тверже становилась моя вера.

Г. Миллер

Живу на улице Вирхен де ла Пас, по-нашему – Мирной, а буквально улице Девы Мира. Окна моей комнаты выходят на магистраль. И хотя квартира находится на седьмом этаже, гул автомобилей слышится совершенно отчетливо. Я опустила жалюзи, но и это не помогло. Зато по какому-то закону преломления света по потолку побежали тени машин. Какое-то время я смотрела и считала, а потом задремала.

Суббота... К двенадцати утра, находясь в полной прострации от чумной ночи, но помня наставления о занятиях испанским, я мужественно открыла учебник и старательно пялилась в него в течение получаса. В голове застряло дурацкое слово «сируела», очевидно, оттого, что в русском языке от этого слова возникают смешные ассоциации. На этом мои лингвистические исследования закончились.

Я уныло огляделась. Вообще-то грех жаловаться: комната милая, покрашена в непритязательный белый цвет, полосатые занавески на окне... Из мебели – все необходимое: кро-

вать, шкаф, тумбочка. Все какое-то белое и безликое. Скинув оцепенение, я полезла в битком набитую дорожную сумку, достала фотографию дочери в резной деревянной рамке и водрузила ее на прикроватный столик. Декор стал веселее... Тут уж я совсем разошлась, вытащила из шкафа мой брючный крепдешинный костюм с оригинальным мелкоцветочным орнаментом и повесила его на гвоздь на стене. Поскольку в обстановке, не рассчитанной на интеллектуалов, книжной полки не предусматривалось, я аккуратно уложила стопку учебников в углу.

В этот момент на пол лег широкий луч солнца. Ага! Вот и причина гула от магистрали: в углу стены – приличная щель. Надеюсь, что до наступления зимы у меня будет другое жилье... Зато из моего окна просматривалась Пласа де Лас-Вентас или Пласа де Торос – кому как нравится. Здание круглое, как римский Колизей. «Ба! – осенила меня мысль. – Да ведь ничего в этом мире за последние три тысячи лет не изменилось! Теперь вместо гладиаторов выводят быков на арену, а человеческие эмоции остались прежними. И, наверное, не такие уж мы и разные: испанцы, русские, колумбийцы, перуанцы, украинцы... Не такие уж мы и разные...»

От этих философских размышлений меня отвлекла перебранка Линей с дочками. Из кухни начали доноситься знакомые сильные запахи. Честное слово, я всегда была уверена, что именно так должно пахнуть ведьмино зелье!

«Теперь можно и в гости, – решила я, взглянув на часы. –

Винни Пух всегда говорил, что час дня – это приличный визит». Еще я подумала, что не стоит утомлять моих новых знакомых своей навязчивостью, но первая мысль победила вторую, и, не откладывая дела в долгий ящик, я вышла на улицу.

Палящий зной тут же схватил меня за горло, как опытный убийца. Тень, где искать спасительную тень? Окинув окрестности быстрым взглядом, я поняла, что искать ее – занятие утомительное и безнадежное, что лучше включить первую космическую и быстро добежать до дома моих приятелей. Вскоре я сменила бег на шаг, устыдившись местного населения, которое лениво и размеренно волокло за собой сумки на колесиках, набитые субботними покупками.

– Я уже здесь! – радостно прошептала я, чувствуя себя на самом деле немного неловко.

– А, заходи, – сказала Ира.

– Как насчет борща с пылу с жару? – высунулся из кухни гостеприимный Сашок. – Мы тут с братком такого намутили: борщ с апиокой, ремолачей и кон ла коль.

– Должно быть, очень вкусно. Учитывая, что ингредиенты по своему звучанию напоминают китайскую кухню... – сказала я.

Но Саша обиделся:

– Как это китайскую кухню? Сравнить мой борщ с китайской кухней! Ну ты даешь, старушка. Не ожидал от тебя подобной... неделикатности.

– Ира, да что я такого сказала?

– Не бери в голову. Это Сашка в себя прийти не может от посещения китайского ресторана: так ему все не понравилось. Да сама знаешь, что там за еда.

– Гм, если честно, я не очень-то знакома с китайской кухней. Я как-то не часто по ресторанам в России ходила: ни по китайским, ни по мексиканским, ни вообще по каким бы то ни было.

– Тем более, перестань переживать по любому пустяку. А Сашке дурака повалить – медом не корми. Усаживайся за стол, пообедаем.

Ароматы свежего борща, заправленного чесноком и укропом, решили дело.

Откровенно говоря, я не вполне хорошо понимаю обстановку. Ни странных русских: каких-то холодных, отстраненных, занятых исключительно собой. Познакомилась с еще одним эмигрантом, который живет в одной квартире с моими земляками, занимая софу в салоне. В городе он уже третью неделю. Старожил, стало быть.

– Ну, как тебе Мадрид? – сытый Саша, блаженно откинувшись на диванные подушки, был готов к непринужденному разговору.

– Не знаю, – честно сказала я. – Жарко очень, солнце заходит поздно, воздух такой, что не надышишься. Думаю, мне нравится, хотелось бы увидеть центр, архитектуру города, памятники – в плане туристки.

– Так это просто. Ребят, покажите человеку город.

– Запросто, – отозвался Васек. – Вот спадет немного жара, и поедem в Рети́ро.

– А что такое Рети́ро?

– Самый большой парк Мадрида.

По моим представлениям, даже самый огромный парк не является памятником архитектуры. С другой стороны, смотря какой парк... Может, он как Александровский в Пушкине – с дворцами и статуями. Я с оптимизмом согласилась.

– Приходи часиков в семь, – меня вежливо выпроваживали.

– Договорились.

– Кстати, – вспомнил Саша, – как у тебя занятия продвигаются?

– Учю слова, на большее меня пока не хватает.

– Ладно, сегодня еще отдохай, а завтра поговорим, – пообещал Саша.

Васек и Вовка захихикали, а Ира закатила глаза:

– Оставь ее в покое, тебя никто ни о чем не просит.

– Нет-нет, я не откажусь от помощи ни в коем случае, – сказала я.

– В таком случае пеняй на себя, – сказал Саня. – Потом не жалуйся.

Разговор мне показался странным, но я решила до поры до времени не придавать ему большого значения.

Вечером...

Ретиро – это огромный парк в центре Мадрида, его «зеленые легкие». Все, что хочет найти страждущая душа в поисках отдыха, сосредоточено здесь: могучая тень от высоких деревьев всевозможных пород; лужайки, приглашающие растянуться на траве; кафешки с яркими столиками, выставленными на открытом воздухе; площадка, где играет духовой оркестр; клоуны, устроившие представление тут же, на широкой аллее, где прогуливается народ... Наконец, пруд, наполненный ужасными прожорливыми рыбами, кото-

рые позволяют себя кормить почти из рук. Эти рыбы произвели на меня отталкивающее впечатление: большие, тупоголовые, с разинутыми зубастыми ртами, наплывающие одна на другую при виде куска хлеба или жареной картошки, дерущиеся с яростью голодных – сцена, достойная Спилберга для очередного фильма ужасов.

– Ретиро был задуман как место уединения, пребывания в одиночестве для того, чтобы молиться. Католические короли Фернандо и Изабель основали монастырь Херонимов и недалеко от него построили дом. При Филиппе Красивом дом превратился во дворец, где устраивали праздники, театральные представления, даже корриды.

– Ничего себе! Вот так Вовка!

– А что такого? – лениво усмехнулся Вовка. – У меня философский факультет, ну и давняя увлеченность Мадридом.

– Тогда конечно... Так любой сможет.

– Я продолжаю или как?

– Продолжай! – в один голос ответили мы с Васей.

– Когда сгорел Алькасар – тогдашний Королевский дворец, Филипп Отважный перебрался в Касон де Ретиро вместе со своей свитой.

– И где этот Королевский дворец? Очень далеко отсюда? – загорелась я.

– В следующий раз посмотрим дворец, – пообещал Вовка. – На сегодня тебе и Ретиро хватит. Так вот, Карлос III, которого еще называют мэром Мадрида, велел переделать

всю зону и обнести ее решетками. С того времени мадридцы могут гулять по парку, соблюдая, разумеется, чистоту и порядок. Правда, современные испанцы и гости города никак не могут отвыкнуть выплевывать жвачку прямо на плитку. Латинос!

Странный ритмичный шум доносился от монумента, находящегося по другую сторону пруда.

– Барабаны, – возликовала я, поняв причину звуков.

– Тамтамы, а не барабаны. Это не одно и то же, – поправил меня Васек.

– Мне все равно, пошли туда!

– Так мы туда и идем, – сказал Вовка. – Подожди, сейчас такое увидишь!

Это было царство негритянского населения испанской столицы. Усевшись на скамейки по краям беседки, а многие – прямо на горячем бетонном полу, африканцы, одетые в яркие халаты и тюбетейки, самозабвенно выписывали ритм тамтамами. Причем черный оркестр прекрасно обходился без дирижера: кто-то заводил, затем к нему присоединялись другие, сначала робко, как бы нащупывая рисунок, затем все более уверенно, наконец, беседка наполнялась бешеным ритмом, идущим из глубины древней души. Здесь же начинались танцы, напоминающие ритуал перед охотой, с движениями, доступными только африканскому телу. Белые студенты и «перрафлаутас»² практиковались в жонгли-

² Перрафлаутас – пренебрежительное обозначение панков в Испании, которых

ровании, подбрасывая в воздух палочки с привязанными к ним длинными лентами. Над беседкой витал уже привычный мне запах: сладко-терпкий, смешанный с дымом сигарет и каких-то эссенций. Ничего похожего я раньше не видела, поэтому была зачарована зрелищем.

– Нравится? – с гордостью в голосе, как будто все это он сам придумал и организовал, спросил меня Васек.

– Очень, – сказала я.

– Для лучшего восприятия происходящего неплохо бы прикупиться, – сказал Вовка.

– Клевая идея! – сказал Вася. – Ты с нами или здесь подождешь? – это уже ко мне.

– Если вы обещаете меня не потерять, то предпочитаю подождать здесь.

– Смотри, чтобы тебя негры не украли, а то потом перед твоим мужем не отчитаемся.

– Я решила развестись, – внезапно вырвалось у меня. – Так что отвечать вам ни перед кем не придется.

– Это когда ж ты нарешала? – немного враждебно спросил Василий, который, как выяснилось, знал моего «бывшего» еще с детского сада.

– Даже не знаю, наверно, еще в Барселоне, впрочем, нет, раньше. Здесь никто на меня не давит, понимаете?.. И... и... Я из него выросла...

– Что ж ты о человеке, как о штанах каких-то?

Я ничего не ответила, но, видно, что-то такое читалось в моем взгляде, что Вася внезапно смутился и сказал:

– Ладно, извини, что влез не в свое дело. Мир?

Я протянула ему руку:

– Мир!

Ребята вернулись довольно быстро, поэтому я предположила, что они выходили облегчиться. Правда, когда Вовка положил коричневый комочек на ладонь и начал его осматривать со всех сторон, мое предположение с треском провалилось.

– Гм, – я прочистила глотку. – Это то, что я думаю, или что-то другое?

– Смотри, что думаешь, – заржали хлопцы. – Мы между собой называем это «дурь», местное население зовет ее хачиш или шоколаде, но суть одна и та же.

– А разве она законна?

– Конечно, – охотно пояснил Вовка. – Если используешь хачиш для твоих личных нужд, а не для продажи.

– Мы продавать ее не будем. Даже тебе, – сказал Васек.

– А тебе-то зачем употреблять этот... хачиш, если ты уже... веселый?

– Так то от предвкушения.

Сигаретка была скручена в момент, сказывался навык. Ребята затаились, задерживая подолгу дым в легких и с усмешкой поглядывая на меня. Честно говоря, я начала раздражаться. За кого меня принимают? За порядочную, благо-

воспитанную, безупречную, никогда не совершающую промахов матрону? Сейчас они у меня увидят!

– Дай даме затянуться, неуч, – имитируя Маньку Облигацию, сказала я.

– Вы уверены в правильном выборе, дама? – почтительно осведомился Вовка, затягиваясь в очередной раз.

– Ой, я тебя умоляю! – на этот раз вылезла Кисуля. Я взяла протянутую сигаретку и затянулась. На мое удивление, вкус у нее был гораздо приятнее, чем у обыкновенной сигареты и... гораздо сильнее. Поэтому задержать в легких наркотический дым не получилось в силу того, что из глаз полились слезы.

– О, смотри, как мы умеем, – сказал Васек.

– Вы, мальчики, еще меня не знаете, – похвасталась я, воодушевленная успехом, и затянулась опять, на этот раз почти как заядлый курильщик марихуаны или чего там...

– Не торопись, спокойно, не то сплохеет, – посоветовал Вовка.

– Здорово, когда о тебе заботятся, – сказала я.

Господи, похоже, я кокетничать начала? Вовке уже за сорок, но никто и не думает называть его Владимир или еще как-то. Он небольшого роста, но сильный. В лице нет ничего выдающегося, за исключением детской улыбки. Вовка – философ, и по образованию, и по образу жизни.

...Да-а, до сигаретки я его не находила привлекательным ни в чем...

Вскоре мир стал странно меняться: вечерние сумерки приобрели синие тона, музыка теперь не оглушала, как раньше, а танцующие вдруг начали двигаться, как заведенные манекены.

– Смотрите, – сказала я, тыча пальцем в жонглера, – какой смешной, что выделяет!

– Повезло старушку, – констатировал Васек.

– Чушь, ерунда. У меня просто чудесное настроение, я абсолютно свободна. А вы знаете, что такое свобода? Знаете, каково это – не обращать внимания на условности? Быть предусмотрительной и осторожной? Такой, какой тебя хотят видеть друзья, родители... Никогда не терять лица, всегда соответствовать. Это такая тяжесть, такой груз, такая гадость... А я не такая и больше не хочу ею быть, – совсем неграмотно и бестолково закончила я героически-наркотическую речь.

– Не грусти. Здесь ты свободна, – неторопливо выпуская дым в небо, философски заметил Василий.

– Да, и буду делать то, что захочу. И никто, слышите, никто не может мне запретить!

– Конечно, никто, – сказал Васек. – Поступай, как считаешь нужным. Не забудь только работу найти, а то живо окажешься «на свободе», под ближайшим мостом. Сейчас мимо кустов пойдем, так я тебе такое сборище «свободных» покажу!

– Под мост не хочу, – сказала я. – Как же я буду без еже-

дневного душа и макияжа?

– Граждане, я, конечно, извиняюсь, но базар этот гнилой. Мы здесь отдыхаем, а не исповедуемся. Посмотрите лучше на ту красотку: как движется, какая грудь!

Теперь мы с Васей развеселились, выслушав сексуальные страдания утомленного солнцем, пивом и гашишем мужчины.

Уже заметно стемнело, и мы отправились на поиски выхода, что оказалось не так-то просто. Заблудившись в пустынных закоулках парка, мы не испугались, а еще больше расхотались, держась за болевшие от хохота животы. Наконец, найдя выход, мы обнаружили, что потеряно метро. Васек, будучи долгожителем в Мадриде, почетным эмигрантом, можно сказать, пошел спрашивать у всех подряд:

– Дондэ эста эль мэтро?

Люди, видя большого одурманенного парня, пожимали плечами и торопливо уходили в сторону, не желая отвечать. Апофеозом всех расспросов послужил ответ одного хорошо одетого сеньора, вышедшего из мерседеса, к которому Васек обратился все с тем же дурацким вопросом.

Сожалеюще разведя руками, приличный господин ответил:

– Ничем не могу вам помочь; я не пользуюсь метро.

– Что? Что он сказал? – заинтересовались мы с Вовкой.

– Обратите внимание, какой гад вежливый! – сказал Вася. – Выпал из Мерса, воняет Диором и спокойно так, без

понтов, отвечает какому-то там иностранцу.

– Вася, не принижай своих достоинств. Ты – славный парень, твоя «иностранность» глаз не режет. Единственное, это то, что ты очень пьяный. Давай беги, спроси у того забулдыги. Глядишь, и поможет собрат по разуму...

3 июня

Фанатик – это тот, кто страстно верит и, отталкиваясь от того, во что он верит, совершает отчаянные поступки.

Г. Миллер

Как ни странно, но наутро (вернее, около часа дня), я не обнаружила ни следов похмелья, ни головной боли, ни желудочных томлений, в общем, никаких обычных последствий после весело проведенной ночи. Я отнесла это обстоятельство к климатическим, но себе дала слово впредь вести себя немного сдержанней (ненавижу слово «благоразумие», хотя в данном случае оно уместнее всего).

Линей показала кухонную утварь, старательно проговаривая все слова, вероятно надеясь, что я все запомню с первого раза. Я улыбалась, тронутая ее стараниями. Экскурсия на маленькой кухне затянулась на полчаса благодаря моей бестолковости и полному незнанию языка. Я устала так, как будто вспахала в одиночку гектар целины. Теперь стало понятно, почему Ира говорит, что теряет калории, когда разговаривает по-испански.

Что ж, пора делать покупки. Вчера Ирина предупредила, что в первое воскресенье месяца все продуктовые магазины открыты. Пришло время пополнять запасы и начинать вести хозяйство: как бы ни были добры ко мне ребята, а питаться

за их счет не могу, да и не хочу.

Супермаркет, расположенный всего в нескольких шагах от моего дома, оказался уютным и прохладным, наполненным немислимыми продуктами. От ценников, даже когда я пересчитывала песеты на доллары, кружилась голова. «Как ей в голову могла прийти идея о недорогом магазине», – с яростью подумала я о советчице. Но делать было нечего, и выбирать не приходилось: я нашла соль, сахар, чай, бублики, а также рис, макаронны растительное и сливочное масло. Нарочно отказала себе в аппетитных на вид бисквитах. Заслуживающей, на мой взгляд, внимания была колбаса с зелеными кусочками внутри – оливками, а также немного овощей и фруктов.

У кассы я протянула билет в пять тысяч песет с изображением великого Колумба – половина моего состояния. Мне выдали сдачу, состоящую из нескольких продырявленных в середине, очевидно, испорченных, монет. Выразительно взглянув на монетки в моей ладони, затем переведя укоризненный взгляд на кассира, я ожидала хотя бы краски смущения за открытое хамство, а еще лучше – немедленного исправления нелепой ошибки. Но дождалась лишь того, что смуглая девушка, вновь пересчитав деньги в моей ладошке, сказала: «Эста бьен» и занялась следующим покупателем. Почувствовав себя полной дурой, я поплелась домой: необходимость изучения языка становилась все более очевидной.

Мой обед состоял из отварных макарон с розовато-зеле-

ной оливковой колбасой и чая с бубликами. Еда показалась пресной, а колбаса и вовсе отвратительной. «Так и похудеть недолго!» – подумала я. Сначала мысль эта меня удручила, а затем воодушевила. Вперед, на штурм великого и могучего!

Прошел целый час после начала атаки. В воспаленных мозгах каша, перед глазами – черные расплывающиеся круги, сердце ухает и стучит, как от тяжело проделанной работы, потому что я знаю четко: мне никогда не выучить испанский... Рука потянулась за фотографией дочери на ночном столике. Расцеловав ее, я залилась беззвучными слезами.

Поздней ночью, после очередного визита, меня провожал домой Саша.

– Что-то ты кислая, – искоса взглянув на меня, констатировал он. – Зайдем в бар, хлебнем чего-нибудь прохладительного.

– Ладно, – вяло согласилась я.

– Что, мысли тяжелые одолевают?

– Они самые. Я по дочке сильно скучаю... В голову ничего не лезет, все мысли о ней.

– Правильно, что мысли о ней. Потому ты и здесь, верно? Из-за нее?

– Нет, не только... Из-за себя тоже.

– Вот и славно. Знаешь, чем тоску отгонять?

– Только не говори мне о водке – не поверю.

– Нет, я о другом: надо переключиться на что-то, чтобы реализовать себя. Не знаю, правильно ли я выразился, а ты

прислушайся.

– Тоскливо мне, Саш, не хочу ни думать, ни анализировать. Плакать хочется.

– А как насчет спряжения испанских глаголов?

– А? – не поняла я мгновенного переключения.

– Б, – ответил Саша. – Начинаем урок спряжения глаголов. Что вы мне об этом поведаете, дама?

– Практически ничего, – все еще ошарашенная, промялила я.

– Очень плохо, – заявил мой мучитель, – ну хотя бы в общих чертах.

– Ну, они в чем-то похожи на русские, то есть тоже изменяются по лицам и по числам и еще у них куча времен – наши столько не придумали...

– Неплохо для начала, – поощрили меня. Дальше последовал урок, которого мне не забыть никогда: по своей насыщенности, эмоциональности, крепким нецензурным выражениям и продолжительности – три часа! Из бара нас давно выгнали по случаю его закрытия, поэтому вот уже час, как мы сидим, словно куры на насесте, на спинке скамейки и обсуждаем правильное построение утвердительных фраз.

– Понятно? – интересуется учитель.

Я согласно киваю: а как же, с нашим-то умищем!

– Тогда повтори еще раз последнюю фразу.

– Саш, – взмолилась горе-ученица, – я уже полчаса как ничего не соображаю.

– Дура, – констатировал педагог. Потом, смягчившись, добавил: – Могла бы и раньше сказать. Я ж не зверь.

– Ты был так увлечен...

– Нечего подлизываться.

– Я?

– Тогда, если не подлизываешься, не издевайся.

– Простите, не хотела затронуть Ваших чувств, Маэстро.

– Смотри, разошлась. Пойдем, до дому тебя провожу.

– Ах! – испугалась я. – А до этого что ты делал?

Сашка расхохотался во все горло и больше не вступал со мной ни в какие разговоры.

4 июня

Язык возникает тогда, когда в нем есть необходимость.

Е. В. Клюев

Понедельник. Все ушли работать, кроме меня. Хотя Ира и дала объявление в газету, предлагая мои услуги в качестве прислуги, пока никто не торопится заполучить меня в этом качестве. Единственное, что я могу сделать сейчас для себя, – это учить испанский.

Как ни странно, но после Сашкиного затяжного урока все оказалось более понятным и менее внушающим ужас. Воспользовавшись моментом, я часа на три погрузилась в науку, съедая персик или апельсин в короткие перерывы. Паника отступила, и мне он начал нравиться, этот язык: четкий, логичный, со звучной буквой «р».

В обед я пошла навестить вернувшуюся с работы Иру. Узнала, что пока ничего нового, надо ждать. Долгожительница местных прерий посоветовала написать объявления и расклеить их на автобусных остановках и столбах в пределах нашего района. Текст она мне надиктовала, так что, вернувшись домой, я принялась за адский труд: копирование вручную тридцати экземпляров.

Этот вечер будет проведен за расклеиванием опусов о

жутком желанием посвятить остаток моей жизни домашнему сервису.

Сегодня я решила, что ребятам будет полезно немного отдохнуть от моего чудесного общества, а мне будет полезно позаниматься еще несколько часов или погулять в одиночестве.

На первое была выбрана прогулка: за четыре дня мой кругозор пополнился знаниями о Ретиро, о марихуане, о спряжении глаголов и сотней новых слов из испанского языка. Пора его расширять другими впечатлениями... Кругозор то бишь...

Архитектура современной части города, где живу сейчас, не производит такого отталкивающего впечатления, как в Санкт-Петербурге. Уж слишком силен там контраст... Мадрид гораздо более «уравновешен»: широкие улицы для машин, просторные тротуары для пешеходов, всюду посажены деревья. Пока из старой части города мне знакома улица Алкала. Судя по всему, это самая длинная улица города. Она начинается на Пуэрта дель Соль и уходит даже дальше моего района! Кстати, надо бы сходить на Соль, ребята говорят, что стоит.

Здания в моем районе в основном из кирпича – красного или темно-коричневого. Балконы и террасы украшены навесами зеленого или синего цвета – одинаковыми во всем доме! И на всех окнах – жалюзи. Тут это не роскошь, а суровая необходимость: как только солнце начинает припекать, где-

то в десять утра, сразу же опускаются жалюзи, и до девяти вечера ты не увидишь ни одного окна «незащищенным»! Зато увидишь сады, раскинувшиеся на балконах: пальмы и камелии, строгие гардении, «заячью капусту», кактусы с распустившимися цветами! Тоскующий по земле народ реализовывает себя в цветущих балконах, а может, это просто вечное стремление к прекрасному.

Что ж, пора и мне идти и самовыражаться; первый этап – простые грамматические конструкции (и кто сказал, что они просты?)

5 июня

Если бы все, что блестит, было золотом, золото бы стоило намного дешевле. Ничто не дается так дешево и не ценится так дорого, как вежливость.

М. Сервантес

Июнь в Мадриде – щедрая пора. Цветут азалии, с тутовых деревьев падают длинные белые плоды, посередине правой и левой дорожными полосами благоухают розы, которые каждое утро освежаются бьющими из земли автоматическими поливалками. Рай для всех – даже для роз!

Магазины, торгующие фруктами, выставляют свои лотки на улицу без боязни, что кто-то захочет взять и попробовать аппетитную клубнику, тугой инжир, яркую черешню, прозрачный виноград, душистый персик – да мало ли чего! Все такое чудесно-нереальное...

Я прогуливаюсь по длинным, извилистым улицам, стараюсь держаться в тени, но чувствую солнце каждой клеткой тела: оно наполняет меня энергией настолько, что хочется петь, хохотать во все горло, жить!

Это так странно, что в чужой стране, за пять тысяч километров от дома, я почувствовала себя как дома. Он уютный, этот многомиллионный город, приветливый, ничуть не кичливый. У меня от Мадрида эффект дежавю, как будто я

всю свою предыдущую жизнь здесь провела: та самая триумфальная арка, та самая площадь, тот самый дворец. Говорят, что этот эффект обусловлен тем, что мозг, улавливая знакомый тип, воспринимает увиденное как хорошо знакомое. И тем не менее, разумное научное обоснование не убеждает меня абсолютно.

Познакомилась с киоскером, который продает газеты около моего дома. Зовут его Хосе (пожалуйста, не надо арий тореадора, это не тот случай!) Дело в том, что по утрам я спускаюсь в скверик, дышу воздухом и учу слова – это самое легкое, что можно делать в атмосфере, где всюю заливаются птицы, детишки играют, а солнце припекает. Так вот, как раз в этом скверике и расположен киоск Хосе. Уже на третий день, завидев меня, он поднял руку в приветствии, я ему ответила тем же жестом и милой улыбкой. А сегодня он покинул на время прилавок, чтобы представиться. «Какое дружелюбие», – подумала я, хотя дядя не производил приятного впечатления ни пивным брюхом, ни сластолюбивым выражением лица. Несмотря на это, я решила быть приветливой – недорого стоит, зато дает большие дивиденды.

Кстати, за науку я должна поблагодарить родительницу. Было мне около девяти лет. Однажды мы прогуливались, а из-за невысоких заборов соседи нас приветствовали: «Доброе утро!» Матушка в ответ: «Доброе утро» и по имени-отчеству. Я тоже важно кивала головой: «Здравствуйте!» Тут мне мама говорит: «Дочка, скажи, тебе трудно улыбаться?»

Я удивилась: конечно, мне было нетрудно, просто я считала это ну... неуместным! «Тогда, если тебе не трудно, улыбайся, детка, всякий раз, когда кого-нибудь приветствуешь. Тебе это ничего не стоит, а людям приятно».

...Вечером пришел Саша.

– Ты что, обиделась? – были первые его слова.

– А надо было?

– Ну, достал я тебя испанским.

– Глупый! Какое дикое предположение! Я тебе страшно благодарна. Теперь все гораздо легче.

– А, ну ладно... Тогда приходи в гости. Ирка запилила, говорит, что за день человека от дома отвадил.

– Правда? А я решила, что вам от меня надо отдохнуть.

– Не глупи. Думаю, поначалу всем трудно в чужой стране.

И одиноко. Так что будет время, заходи.

– Спасибо, приду. До завтра вам хватит времени приготовить торжественный ужин и нагладить фраки?

– Без фраков никак?

– Сожалею, без фраков – никак.

– Тогда, это, я пошел... Манишки гладить.

6 ИЮНЯ

А имя... что ж, имя – только имя: от него не требуется каким-то образом представлять своего носителя.

Е. В. Клюев

Хорошие числацифры: 6, 6. И настроение тоже ударное. Не в смысле, что работаю до седьмого пота, а в смысле, что ударила бы сейчас кого-то, чтоб душу отвести. Беда в том, что кроме меня, любимой, поблизости никого нет, так что бить только себя и получится.

Съездила утром в «Камарада» – это такая организация для эмигрантов – безработных и безъязычных. С работой у них туго, а вот направление на бесплатные курсы испанского дали. И на том спасибо.

Деньги приходится экономить. Пока не голодаю – ребята постоянно зазывают на ужины, но пора подумать о будущем. Вспомнила Бернса:

И так и сяк
Пытался я понравиться фортуне,
Но все усилия и труды
Мои остались втуне.

Срочно нужна работа! – это уже мое.

К обеду я была дома. Семилетняя Диана, дочка Лией, забавно тараща глазенки и отчаянно жестикулируя, начала что-то быстро щебетать. Разумеется, я ее не поняла, попросила говорить помедленнее, тогда уловила, что кто-то приходил и просил, чтобы я зашла. Кто мог прийти, кроме Саши или Иры? Я помчалась на Рикардо Ортис.

– Что-то случилось? – запыхавшись от быстрого шага и волнения, я говорила с трудом.

– Случилось. В шесть вечера ты должна быть по этому адресу. Сеньору зовут Эмилия, очень милая старушка, будешь у нее убирать два раза в неделю по одному часу.

Я взвыла от восторга:

– Саша, ты гений! Ты спасаешь меня от голодной смерти, ты...

– Ладно, ладно, от голодной смерти, говорит. Да у тебя внутренних резервов на год хватит.

– А вот хамить не надо. Я тебе страшно благодарна и все такое, но всему есть предел.

– Извините, не из графьев буду, – не сдавал позиций Сашка.

– Попытаюсь простить вас за плебейское происхождение, господин Ломтев.

– Вот спасибо, вот порадовала!

– Ну, я пошла, – поставила точку в разговоре я. – Надо морально подготовиться к первому рабочему дню, вернее, часу. Адьюс!

...Пожилая сеньора, к которой я пришла начинать новый этап трудовой деятельности, резко поменяв «учителя на уборщицу», мне понравилась. Она вся какая-то светящаяся – теплые карие глаза, искренняя улыбка, золотые браслеты, цепочки, колечки... И зовут ее как героиню оперетты – Эмилия.

Ей ужасно интересно узнать что-нибудь о загадочных русских, поэтому, ни на минуту не умолкая, о чем-то говорит. Что вам рассказать, сеньора? Да, такая молодая – тридцать лет всего лишь, а уже есть дочь. Угу, с университетским образованием зарабатывала сорок долларов в месяц. Согласна, это мало – потому я здесь, потому готова намывать кафель, вычищать унитазы, жить впроголодь с перспективой оказаться в конце месяца на улице. Как ни странно, меня поняли, мой испанский, состоящий в основном из жестов и мимики, был понят! Мы каким-то образом очутились в одном энергетическом поле и общались, без хитроумных машин продвинутых фантастов, без знаний телекинеза... И мне посочувствовали... А вот это ни к чему. Я счастлива этим солнцем, этим небом, этими улыбающимися светлыми лицами на улицах, пышным цветением всего и пением птиц... В городе, пятимиллионном городе, поют птахи!!! Я уверена, что все мои трудности – явление временное, придется, конечно, потерпеть, но я прорвусь, вот увидите! А швабра... что ж, иногда надо отступить, чтобы победить.

– Как тебя зовут, дочка, твое настоящее имя? – спросила

она.

Я сказала. Мое имя с кучей согласных и впрямь трудно выговорить. Я научилась правильно его произносить уже в пятилетнем возрасте, что ж говорить о пожилой испанке, которая слыхом не слыхивала ничего подобного! Пришлось повторить мое имя по слогам, но и это не дало результатов. Спасибо мамуле: постаралась, чтобы единственное дитя имело странное имя.

– Я буду звать тебя Сусанной. Ты не против?

Возможно, если б меня хотела переименовать другая старушка – менее приятная, я бы не согласилась, но эта была симпатична. К тому же вспомнилась школа, где пацаны из параллельного класса, завидев меня, принимались напевать знаменитую песенку Челентано: «Сусанна, Сусанна, Сусанна, мон амор»

Крещение состоялось в момент, когда я убирала ванную, вымывая порошок водой. По всем законам христианской церкви, к тому же при полном согласии вновь крещенной. Это просто здорово – возрождаться!

7 июня

– Чем же, по-вашему, надо пользоваться при объяснении?

– Мокрой сетью. Исключительно эффективно.
Е. В. Клюев

Во взаимоотношениях Иры и Саши стоит столько вопросов, что я, при всей моей любви к анализу, теряюсь. Например, покупают продукты они порознь, к тому же Ира платит за свою половину постели, а Саша – за свою. Учитывая, что спят они под одним одеялом, это более чем странно. Любопытно, что Ира считает такое положение дел нормальным и естественным. Не могу поверить, что капиталистические отношения внутри государства заставляют в корне переменить институт семьи. Впрочем, здесь не принято лезть с советами: каждый живет, как ему вздумается. Правда, как раз Ира дает «мудрые» советы по любому поводу...

У Васи тоже сказочная ситуация: он влюблен в русскую девушку, лучше и краше которой, по его словам, никого нет. Познакомились они, когда ей было четырнадцать лет, а ему – двадцать. Скорее всего, девушке льстило внимание такого взрослого парня, хотя и не мешало иметь и других поклонников. Перед отъездом Васи в Испанию она сделала ему подарок, о котором тот и мечтать не мог: она ему отдалась. Теперь он здесь, трудится на благо и живет ожиданием встречи.

У Вовки, к примеру, четкая цель: спрятаться так, чтобы его никто и никогда не нашел. На данный момент ни прекрасные дамы, ни карточка резидента не возбуждают в нем такого страстного интереса, как желание скрыться от братков, которым он задолжал изрядную сумму денег, раз и навсегда. Он так замаскировался, что мы всерьез подозреваем, что фамилия Сидоров – не совсем его. Ну, это отдельная история...

А в чем же моя цель?.. Для начала, думаю, должна в себе разобраться, понять себя, как поется в одной песне: «...на чем стоим, куда идем...» Слишком долго я была ограничена правилами и традициями, которые меня связывали и не давали понять, кто же такая я на самом деле: всухую, без всей этой галиматьи? Сейчас можно расслабиться, прислушаться к себе и начать новую жизнь, мою жизнь, без правил и ограничений со стороны родителей, подруг и мнения общества.

«Невидима и свободна!» Освободиться! Великая цель.

...Еду в автобусе и тихо так закипаю. Оказывается, все мои тщеславные иллюзии о том, что уверенно продвигаюсь в изучении испанского, ничем не обоснованы. Час пик: машина заполнена разным людом: рабочими, матерями и бабушками, детьми и внуками. И все это кричит, вопит и каким-то образом умудряется понимать друг друга. В отличие от них, я не понимаю ни одного дерьмового слова из этой какофонии, ни одного! Меня охватывают сразу два чувства: злость и невыносимое одиночество; я потеряна в большом, огром-

ном мире, населенным таким множеством людей, я потеряна. И никакие объяснения не идут в счет, я просто хочу понимать, о чем судачат вполголоса эти две толстые тетки, о чем с таким упоением рассказывает шестилетнее ясноглазое создание своей матери, что говорит нежным голосом в телефон симпатичная девушка с копной кудрявых смоляных волос. Я хочу определиться в этой матрице, я чувствую себя чужеродным элементом, мне тоскливо, я готова разделиться, как амеба, лишь бы не задохнуться от невыносимого одиночества.

8 июня

Слава вам, идущие обедать миллионы!

И уже успевшие наесться тысячи!

В. Маяковский

Саша пригласил меня в Макдоналдс, американский ресторан быстрого питания, который был долгое время «невходной» в России, как и многое другое из «буржуазной пропаганды». В начале девяностых, когда под натиском капитала открыли первый Мак в Москве, выстроилась километровая очередь. Я в ней не стояла. Наверное, знала, что лет эдак через десять будет и на моей улице праздник...

Ну, ничего замечательного в этом Маке я не увидела: в помещении пахнет столовкой, еда, мягко говоря, «неприхотливая»: толстые гамбургеры да кока-кола. Впрочем, мягкое мороженое, напоминающее «ванильное в вафельном стаканчике» из далекого детства, понравилось. Одним словом, маркетинг – великое дело. Главное, не стейк продавать, а то, как он шкварчит на сковородке!

Мы съели по стандартному меню с напитком. Саша заказал пиво, ну а я – фанту. Уж не знаю, по какому случаю я была приглашена, но Сашка сказал, что надо просто радоваться халяве.

И все-таки моя неприязнь к американской котлете была

раскрыта. Мой сотрапезник наклонился ко мне и доверительно прошептал:

– Меня тоже больше испанская национальная еда привлекает. Но чтобы в местном ресторане пообедать, надо о-о-очень хорошо зарабатывать. Как я, например!

Э-э-э, не знаю, как все это расценивать. Как намек? Лучше уж никак не расценивать, мало ли что может парню в голову прийти после банки пива... Гм, наверное, то же самое, что и до этой банки.

...Вася с упоением слушает песни одной испанской группы – «Ла ореха де Ван Гог». По-нашему – «Ухо Ван Гога». Во как оригинально! Поначалу мне не очень понравилось: у солистки, безусловно, есть вокальные данные, только пользуется она ими странно. Короче, слушая несколько часов кряду «Бен, асеркате, бен и абрасаме...»³ и все в таком роде, поневоле начинаешь проникаться массовой испанской культурой. И вот мы уже вдвоем сидим на диване и голосим в два голоса: «А рекордар Парис а сер ми ангустья...»⁴ И каждый о своем: Васек – о появлении своей ненаглядной, а я – о моей великой цели.

Приходит Саша и удовлетворенно кивает: слушать и петь испанские песни помогает в изучении языка.

³ Ven, acércate – Иди, подойди поближе, подойди и обними меня. (исп.)

⁴ A recordar Paris, a ser mi angustia – Давай вспомним Париж и потоскуем вместе. (исп.)

9 июня

*Я не твой, снеговая уродина.
Глубже в перья, душа, уложись!
И иная окажется родина,
вижу – выжжена южная жизнь.*

В. Маяковский

В пятницу ночью была назначена пытка дискотеккой. К машинкам на потолке я уже притерпелась, так же, как и к шуму магистрали, но это!..

Около двух ночи соседи начали выходить на балконы, возмущаясь нарушением порядка. Кто-то, по-видимому, спустился в бар, выражая всеобщее недовольство. Так что весельчаки быстро утомнились, и больше никто не появлялся на улице и не вопил дурным голосом; все веселье происходило внутри.

Если же быть абсолютно откровенной, мне так все вокруг нравится, так я очарована происходящим, тем, что вижу, что чувствую! Я получаю удовольствие от приветливых лиц, и мягких улыбок пожилых, и от неудержимого, из глубины души искрящегося веселья молодого поколения... Счастливое население, не озабоченное ни экономическими проблемами, ни попытками государственного переворота, ни присвоением природных ресурсов десятком умников... Ира говорит, что Саша тоже влюблен в Испанию по уши. Наверное, это

заразное...

А еще я в восторге от фонтана, расположенного на перекрестке дорог. Говорят, их установлением прославился предыдущий мэр города, который воздвиг во всех спальных районах Мадрида изящное и необходимое в пышущем жарой городе сооружение. Каскадный фонтан в рабочем районе!

...Сегодня суббота, работаю один час у Эмилии. Она отравила меня за молоком и еще какими-то продуктами. Хорошо, что у меня всегда с собой двувеликий русско-испанский словарь! Перевела и купила все нужное! В награду за труды получила 2000 песет и плитку белого шоколада. Ну вот, я только-только худеть начала...

Уже становится ясно, что при такой трудовой занятости мне лишь хватит заплатить за полмесяца проживания в комнате. Шикарные рестораны и развлечения с молодыми красавцами придется до поры до времени отложить.

И все-таки, я люблю тебя, жизнь...

10 июня

Чем упорнее вы тянетесь к миру, тем стремительнее отступает он от вас.

Г. Миллер

Ура, у меня собеседование! Речь идет о работе прислугой, проживающей в одном доме с хозяевами. Здесь это называется «интерна». Что ж, идею о свободе придется пока временно отменить. Так, настройся, детка, сконцентрируйся и повторяй: «Рабство – это особая форма взаимоотношений, существовавшая во времена феодализма и периодически употребляющаяся в современности. «Я люблю рабство, это единственно приемлемая форма существования, я буду обожать своих хозяев, как преданный пес... Постоите, я же женщина! Как преданный пес – нет, как преданная... Нет, на это я не согласна!»

Сеньора Гонсалес добралась до делового центра Мадрида – Пасео де ла Кастейана – на Рено с кожаной обивкой внутри салона. Говорит, что ее Министерство как раз неподалеку от Ворот Европы, – это где мы переговоры вести будем. Гм, Ее Министерство... Подумаешь, Хозяйка медной горы! Мы с Ирой забрались в автомобиль и начали говорить. Поправлюсь: начали говорить эти две дамы, а я улыбалась, чтобы расположить к себе... э-э-э... говорящих. Только не думай-

те, я почти все понимала – да и фразы были простенькими. И тут ко мне с вопросом обратилась эта самая сеньора Гонсалес:

– Допустим, в дом пришел садовник, а нас с мужем нет дома. Что ты должна сделать?

Вопрос мне показался диким. Единственный ответ, который мне пришел на тот момент в голову: «Убить садовника». Конечно, пусть не приходит в неположенное время и не создает бедной служанке дополнительных трудностей! Я пожала плечами, мол, кто ж может ответить на такой трудный вопрос вот так сразу.

– Надо позвонить по телефону мне или моему мужу и рассказать, что произошло, а потом попросить инструкций, – объяснила ситуацию сеньора.

Всего-то-навсего! Позвонить и спросить... И убивать никого не надо, все очень цивилизованно. Она меня утомила, эта женщина, считающая, что очень умна и что перед нею сидит законченная дура. Я поняла: убейте меня на месте, а открыть рот и произнести простейшую фразу на испанском НЕ МОГУ! Условия труда, по словам Ирины, были превосходны: дом за городом, без детей, по вечерам два-три раза в неделю собираются гости и их надо обслужить выпивкой и закусками, в июле они с мужем и с домработницей поедут на Майорку, оплата сто тысяч песет или пятьсот долларов. Ира смотрит на меня выразительно, мол, давай скажи что-нибудь, ты же можешь! Я почувствовала себя говорящей со-

бачкой...

– Ира, извини за хлопоты, не могу я, не готова. И ответить ей по-испански могла бы, что-то простенькое, разумеется, а что-то держит за язык и...

Я вышла из машины, а Ира еще немного задержалась, видимо, доказывала сеньоре Гонсалес, что я сообразительная, только ужасно скромная.

М-да, душенька, настрой не удался: «Мы не рабы, рабы не мы». Ну, ничего, придет и мое время. Я уже понимаю кое-что, а выучу язык – хрен они меня увидят со шваброй в руках!.. Вы еще узнаете, кто такая сеньорита Сусанна!

11 июня

*Если вам все равно, где вы находитесь, значит,
вы не заблудились.*

Закон Руна

Кажется, вчера я немного разозлилась...

Здесь, в Мадриде, у меня новая роль, пока плохо изученная. Я – эмигрантка. Во всем мире отношение к нашему брату, мягко говоря, неуважительное. На мой взгляд, дело не в «волне» – первой, второй или еще какой, а в наличии наличных! Здорово сказано! Ну да, если ты Лев Толстой и живешь на Рю де Риволи, потому что приехал парижским воздухом подышать и Тюильри с утра любоваться – это один разговор... Если ты живешь в Марбелье и принадлежишь к русской мафии – это другой вид эмигранта. Ну а если у тебя университетское образование, а ты готова чужие унитазы намывать, то это третий и не самый выигрышный вид...

Испанцы все это прекрасно понимают и соответственно к нам относятся. Изначально на нищего эмигранта выделяются средства из государственной казны: на еду, на бесплатное изучение языка, на ночлег. Говорят, что есть социальные программы помощи женщинам... Но пока я не в состоянии и двух слов связать... И мне не нужна никакая помощь, вот только если бы с работой...

Вовка говорит, что женщине-эмигрантке в Испании гораздо проще, чем мужчине. Особенно если славянка, и особенно если хорошенькая.

– Ты о какой работе, дурень, говоришь? – возмутились мы с Ириной.

– Девчата, я к тому, что у вас много шансов! И главное, где захотите!

– Да уж, у нашей Сусанниты есть шансы, – подтвердил Саша, игнорируя злобный взгляд своей подруги.

...Какие-то непонятности-неприятности приключились у Саши с Васей на работе, да и в повседневной жизни тоже едва друг на друга смотрят, бычатася и почти не разговаривают. Спросила, в чем дело, может, помогу уладить конфликт, пока он не разросся до бешеных размеров, но мне вежливо дали понять, что это не мои проблемы. Ну, не мои, так не мои...

Вечером, после четырех, договорились встретиться с Ирой в Ретиро:

– Ты уже знаешь, где это. А кафе найдешь около пруда со «спилберговскими» рыбами, – мое замечание, судя по всему, понравилось.

Я не была так уверена относительно моей памяти на рыбные места, но согласилась приехать.

Промелькнувший в автобусном окне парк я увидела сразу и, не сомневаясь ни секунды, сошла на первой же остановке. Оставался открытым вопрос с искусственным озером. По-

что у самого входа в парк стало ясно, что ворота не те... Повторялась история с поиском нужного выхода-входа недельной давности, с той небольшой разницей, что тогда я была не одна. Озираясь по сторонам в поисках пресловутого пруда, я наткнулась взглядом на молоденькую латиноамериканку с младенцем в коляске и, обрадовавшись живому человеку, спросила:

– Дондэ эста лос пэскадос?⁵

– А-а, пэскадо!⁶ – и, почти засовывая сложенные щепотью пальцы в рот, спрашивает:

– Пара комэр?⁷ – дальше последовали объяснения о ближайшем рыбном магазине. Судя по всему, молодая мамаша поняла меня неправильно и рассказывает о рыбе, которую едят. Но мне-то нужна та, которая плавает! Глагола «плыть» я не знала, потому просто показала жестом в сопровождении слов:

– Комер – но! Но! Пэскадо, – и рукой поплыла я.

– А! – смеется и машет рукой в сторону пруда мой темнокожий и уже не вызывающий в связи с этим бурных эмоций гид.

Я благодарю и удаляюсь в указанном направлении, удив-

⁵ Дондэ эста лос пэскадос? – Где рыба? (фраза грамматически неверна, кроме того, в испанском существует разница между живой рыбой «pez» и для еды – «pescado»).

⁶ А-а, пэскадо! – А, рыба!

⁷ Пара комэр? – Для еды?

ляясь разительным переменам, что происходят во мне как бы сами по себе. Честное слово, я почти не предпринимаю никаких усилий!

Урок испанского языка от Ирины! Оказывается, для обозначения живой – это которая еще плавает, и неживой рыбы – это та, что в магазинах продается, бывшие колонисты римской империи два разных слова употребляют. Так что это не молодая мамочка меня не поняла, а я неправильно выразилась. Все-таки комплексы училки – всегда быть правой, по крайней мере, в грамотном употреблении языка, – пора оставить.

У нас с Иррой очередная встреча. На этот раз с сеньором Марселино Лопес. Пожилой мужчина предложил 75 000 песет за пятичасовой рабочий день с понедельника по пятницу. Сеньор Лопес улыбался, поглядывая на меня, и, судя по всему, был совсем не против заполучить меня в качестве прислуги. Что ж, условия неплохие, а от взглядов я не расту. Но тут появляется папашин сынуля, экзаменует меня, выясняет, что язык я понимаю только при помощи жестов и, кроме того, не знаю испанской кухни. И... забраковал чудесный вариант.

Опять дурацкий Макдоналдс. Впрочем, неважно, чем брюхо набить, лишь бы не урчало. Плюс хорошая компания из Иры, Васи и Вовки. Угощает Вася: у него получка, да и вообще он не жаден.

Скорее всего, мерзкие бургеры имели странные добавки,

а может, сказалося напряжение последних дней. Как бы то ни было, но на нас напал такой неудержимый и беспричинный смех, что спроси меня сейчас, о чем мы смеялись, я даже тому не в состоянии вспомнить. В автобусе дурацкий смех еще больше усилился. Поздней ночью, спускаясь по улице Рикардо Ортис, наша четверка, держась за животы, услышала приветствие:

– Здравствуйте! – произнесенное с акцентом, но все-таки по-русски.

Мы удивлялись ровно секунду, после чего раздался новый взрыв хохота.

12 июня

*Идет дождь, но я с этим не согласен.
Дж. Мур*

Получила пинка под зад от Ирины. Произошло следующее. Я пришла с очередным визитом к Ломтевым. Так как хозяйка была чем-то занята, то я уселась писать объявления «Буско трабахо». В это время у Иры зазвонил мобильник. Она недолго поговорила по телефону, записала адрес, отключилась и, сияя лицом, сообщила:

– Вот это работа! Уборка культурного центра с пяти до десяти вечера с зарплатой 80 000 песет! Я ее, наверно, у тебя возьму.

У меня внутри все похолодело: как же так, ведь Ира прекрасно знает мою ситуацию и про газету эту проклятую тоже знает. Как же так можно?

Видимо, возмущение и растерянность легко читались на моем лице, поэтому, увидев, что я засобиравалась домой, она предложила:

– Сделаем лучше: я тебе отдам все подработки, которые у меня сейчас есть, а культурный центр себе оставляю. Идет? Да и потом, у тебя все равно разрешения на работу нет, а у меня скоро будет.

– Поступай, как знаешь, Ирина, тебе видней...

Я направилась к двери. От обоих предложений стало так мерзко на душе, я почувствовала себя такой беззащитной и одинокой!.. На прощание я махнула рукой, не поворачивая головы, чтобы она не увидела текущих по щекам слез.

13 июня

Начинать поиски надо с самого неподходящего места.

Закон Поиска

Немного о газете. Стыдно было писать об этом... Хотя эти записи никто не увидит, если я не захочу, а все ж таки стыдно, даже перед самой собой.

Мой первый «выход» состоялся 8 июня, через несколько дней после собеседования с сеньорой Гонсалес. Когда начну зарабатывать – Бог весть, а питаться каждый день и оплачивать квартиру надо сейчас. Саша всячески меня подбадривал, говорил, что ничего страшного в газете нет, что это помощь безработным эмигрантам, что он тоже стоял с газетой, и Васек, и Вовка. Но ведь Ира не стояла! Разве мужчина может понять чувства женщины, стоящей около супермаркета и предлагающей купить у нее газету?

– La Farola! La Farola! Nuevo numero!⁸

Почти никто не хочет ее покупать, поэтому тебе дают милостыню в 25, 50, 100 или 200 песет. Я – первая ученица в школе, активистка, наконец, просто популярная девчонка! Замужем за перспективным профессорским сыном (правда, перспективы за четыре года замужества куда-то подевались)!

⁸ Фонарь! Фонарь! Свежий номер! (исп.)

Уважаемый коллективом и учениками учитель!.. Я – на паперти! Даже если это не церковная паперть, а магазина, разве от этого проще? Разве я не взрослый здоровый работоспособный человек?.. Да, но еще и без знания языка, без разрешения на работу, без поддержки семьи, без знания общества...

Стыд, жгучий стыд испытывала я, идя в первый раз «на работу». На груди у меня красовалась искусно подделанная карточка легального продавца газеты «Ла Фарола», в руках – стопка непроданных еще Васей газет, под газетами – испитый листок с испанскими словами, чтоб не скучала.

Одиннадцать утра – это время, когда позавтракавший люд начинает задумываться об обеде. Я пришла немного раньше этого часа. Смотрю на бегущее табло напротив меня, понимаю, что рекламируют путешествие на Канарские острова... «Ну а нас-то и тут неплохо кормят», – подбадриваю я себя и надеваю улыбочку, продолжая, впрочем, смотреть вдаль. Подошли две старушки и спросили что-то на своей скороговорке. Я покачала головой, сожалеюще улыбаясь. Думаю, бабульки поймут, что разговаривать со мною бесполезно... С меня довольно пытки стоянием на людном месте! Одна из женщин протянула 100 песет и потрепала меня по щеке.

Пожилые испанские сеньоры – это лучший человеческий фонд Испании! Очень многие из них подходили со словами утешения, оставляли монетки, волновали меня своим участием. Затем явился карликового вида дедок, окинул меня

оценивающим взглядом с головы до ног, одобрительно цокнул языком и спросил:

– Нужна работа? Плачу тысячу.

– Что? – не поверила я своим ушам.

– Пойдем со мной, я недалеко живу. Плачу две тысячи – за десять минут.

– Что надо делать? Убирать? – я окончательно запуталась. Где это видано – уборка за десять минут?

– Нет-нет-нет. Займешься со мной любовью, – решительно возразил проходимец и подтвердил при помощи грубого жеста свои намерения.

Я была шокирована: ни тени смущения на лице у этого негодяя! Как будто то, что он мне предлагает, нормально и естественно. Я изо всех сил отрицательно замотала головой, а из глаз, независимо от меня, полились слезы.

В такой патетический момент меня застал Сашка, который пришел проведать «рабочую молодежь». Увидев совсем раскисшую Снежную Королеву, он взял меня за руку и отвел на ближайшую скамейку. Услышав мой рассказ, посоветовал не обращать на это ровно никакого внимания, заметив, что дураков везде хватает. Да, но мне от этого не легче!

А на следующий день я увидела Педро. У нас их в Испании, как у вас там, в Бразилии. Некоторое время он тихо стоял в сторонке, наблюдая за мной. Я тоже его разглядела: небольшого роста пожилой сеньор с круглым животиком и необыкновенно грустными глазами. Вскоре он подо-

шел и дал мне 300 песет, жадно заглядывая при этом в глаза. Я поблагодарила и протянула ему газету. Газета принимается, моя первая продажа!

– Асталуего, бонита⁹, – прощается он.

– Адьос. Грасиас! – отвечаю я.

С того момента он приходит ежедневно и каждый день оставляет мне 300 песет, но газету уже не берет. Сегодня мой таинственный поклонник представился и пригласил меня в кафе выпить чего-нибудь освежительного. У меня четкие инструкции от русских приятелей на всяческие предложения. Согласно их наблюдениям, в Испании поход в бар не предосудителен: во-первых, это общественное место, а во-вторых, испанцы проводят там половину своей жизни.

Итак, идем в кафе, я заказываю фанту, а он – пиво. Разговор, понятное дело, надолго не затянулся. При помощи словаря я объяснила-таки, что приехала из России, что по профессии – преподаватель, что продаю газету, потому что нет денег. Он сочувственно поцокал языком, покивал, обещал о чем-то подумать. О чем думать? Мне работа нужна! Не хочу я спать в парке...

⁹ До свидания, красавица! (исп.)

14 июня

Значимость человека определяется не тем, чего он достиг, а скорее тем, чего он дерзает достичь.

Халиль Джебран

Ездила в Министерство Труда (по подсказке знающих русских товарищей) за какими-то бумажками на тот случай, если вдруг объявится местный житель, мечтающий сделать мне предложение работы.

К девяти утра на Бретон де лос Эррерос подъехали две полицейские машины – следить за порядком, который, впрочем, никто не собирался нарушать. Это правда, народ тут мирный; и местное население, и приехавшие из разных стран тоже, чтобы не нарушать баланса, так сказать. Хотя однажды довелось наблюдать «юношество», кричащее, насакивающее один на другого, отчаянно размахивающее руками, но при этом не задевающее носа соседа. Было совершенно ясно, что хода этим рукам не дадут. Так, прокричавшись, и разошлись. Очень благородно и предусмотрительно. А еще говорят, что испанцы вспыльчивы. Они русских не знают!

К десяти утра нужные для заполнения и представления бумаги были у меня на руках. Оставалось только ждать удобного случая, когда кто-то сделает мне предложение работы и я легализуюсь. Конечно, главное – это выжить; как говорит-

ся, не до жиру, а все ж таки случаи разные бывают.

После обеда я задремала, и снилась всякая чушь: будто неожиданно-негаданно приезжает мой бывший муженек, как говорится, с оказией. Я – в дикой панике. Не знаю, как мне с ним объясниться, как ему доказать, что разойтись сейчас – это самое лучшее для обоих. Неожиданно появляется официальный чин – в униформе и с орденами на груди – и торжественно вручает мне «Тархета резиденсия»¹⁰, разрешение на работу то бишь... Муж растворяется в воздухе, а я прижимаю руки к груди, пытаюсь выразить искреннюю признательность!

Проснулась и за испанский взялась: как же, скоро придут разрешение на работу вручать, а я даже поблагодарить по-человечески не могу.

Вечером отработала у Эмилии, получила, как всегда, за труды плитку белого шоколада и тысячу песет. Хорошая она сеньора, добрая. Сразу видно, что много в своей жизни видела и много пережила... После смерти мужа у Эмилии начались серьезные проблемы со здоровьем, но переезжать к сыну категорически отказывается: говорит, что не хочет мешать невестке жить в свое удовольствие.

¹⁰ Tarjeta de residencia – Вид на жительство. (исп.)

Сию сейчас около Дракона, отдыхаю. Ха, звучит как цитата из романов Асприна о Великом Скиве. На самом деле дракон – это центральная фигура в детском скверике, разбитом недалеко от дома Эмилии. У него длинный зеленый хвост, добрые, глаза, поэтому страшно разинутый рот, полный острых клыков, из которого лавой вытекает горка, никого не пугает. Внутри он полый, так что малышня всю резвится и бегают как внутри, так и снаружи. Этот дракон очень теплый и живой, потому его и любят дети.

Я тоже его люблю. Поэтому я устроилась в тени на скамейке недалеко от дикого зверя и наблюдаю за детишками. В какой-то момент я даже глаза закрыла от удовольствия. Очнулась от вежливого покашливания, раздававшегося прямо

над моим ухом.

– Простите, не помешаю? – интеллигентного вида старичок склонился в полупоклоне. – Разрешите задать вам несколько вопросов.

– Да? – попыталась очнуться от полусна.

– Вы откуда приехали?

Вот это да! Так сразу, без лишних глупостей. И предполагается, что отвечать ему я должна вежливо, хотя он-то начал, как татарин, – с набега.

– Из России, – все-таки отвечаю.

– Из России или Польши? – уточняет дедок. Почему Польша? Наверное, славянский тип глаза режет.

– Из России, из России, – дважды повторяю я.

– Как турист? – продолжает допытываться настырный дед.

– Да, – терпения у меня хоть завались, а любопытства еще больше, потому и отвечаю на многие дурацкие вопросы.

– Работаете?

– Нет, ищу работу.

Я прекрасно знала, что самопиаром надо заниматься всегда и везде.

– Хотите работать у меня?

– Убирать? – по привычке уточняю я.

– Да, у меня в квартире.

– Когда?

– Хоть сейчас!

Пошли смотреть его квартиру. Мне понравилось: светлая,

залитая вечерним светом, очень уютная и слишком большая для одинокого человека. Старичок рассказал немного о себе. Выяснилось, что он бывший военный, теперь уже пенсионер и девять лет как вдовец.

– Будешь жить со мной? Мне помощница нужна. Да и одиноко...

Конечно, я согласилась. Ведь эту работу мне искала Ира, а я нашла сама! Чувство, что я чего-то стою и, кроме того, никому не обязана рассыпаться в благодарностях, заставило меня согласиться, не задумываясь. Дон Лео пригласил меня в кафе поужинать. Он заказал по большому бифштексу на каждого, гору жареной картошки, печеные болгарские перцы и что-то из ливера. Я наелась, я почувствовала себя сытой в первый раз после моего отъезда из Барселоны. Мне предложили 80 000 песет в месяц. Все складывается замечательно! С понедельника я приступаю к исполнению служебных обязанностей.

15 июня

*Оптимиста хорошей новостью не удивить.
Закон Мерфи*

Все ужасно за меня рады, а я еще больше. За Эмилией пообещала присматривать Ира. По ее словам, когда на собеседовании в Культурном центре выяснилось, что у нее нет разрешения на работу, ей отказали в месте. Хм, Ирина не из тех людей, которые изливают свою душу кому бы то ни было. Скорее всего, таким образом она оправдывалась передо мной, стоящей «на газете».

...Смотрим с Сашей и Ирой телевизор: все, что помогает в изучении языка, приветствуется. Сообщение синоптиков передает полногрудая, постоянно улыбающаяся стройная девушка. Делает она это с явным удовольствием, не забывая назвать ни одной провинции, ни одного самого маленького островка, указывая на возможные облачности, пасмурности, небольшое понижение температуры по ночам и резкое повышение по утрам, теперь по дням недели – с понедельника по пятницу. Минут пять говорила, не меньше. И это при дороговизне экранного времени!

– Похоже, в Испании существует одна проблема, – заметила я. – Муча calor...¹¹

¹¹ Mucha calor – Очень жарко. (исп.)

Ну что ж, пошла учить латынь: эх, в испанской стороне, на чужой планете, предстоит работать мне... и это правильно, потому что любой труд – достойный, а все же лучше спрятаться в чьем-то доме, а не стоять напоказ. Да, пожалуй, для моей будущей, давно обещанной одним горемычным астрологом всемирной славы «газетная работа» ни к чему. Кстати, об астрологе: визит к нему состоялся за четыре года до моего приезда сюда...

...Дверь мне открыли тотчас же. В полутемной прихожей стоял высокий худой человек, в котором меня смутило невыносимое косоглазие. Ужасно неудобно ежесекундно определяться, в какой глаз смотреть. Пока я справлялась с этой проблемой, из боковой двери вылетел маленький четырехлетний монстр на трехколесном велосипеде и воинственно взглянул на меня.

– Привет, малыш! – жизнерадостно прочирикала я.

– Дура! – сказало дитя.

– Прелестно...

– Прошу Вас, не обращайтесь на него внимания, возраст, знаете ли, к тому же Скорпион и год Змеи – адская смесь, – извиняющимся тоном проговорил счастливый отец.

– Поколение пепси.

– О, простите, проходите, пожалуйста, – проговорил хозяин, принимая мое пальто. – Овен, год Кабана, час Дракона, 1-й дом, Марс, символ Огня, стихийный темперамент, любовь к свободе – все это он пробормотал про себя, как бы

припоминая. – О, моя вечная забывчивость, я так и не представился: Георгий.

– Очень приятно, – стереотипно отозвалась я. Честно говоря, ничего приятного от этой встречи я уже не ждала: ни Георгий, ни его сын мне абсолютно не понравились. Впрочем, пришла я сюда не за приятными впечатлениями, а по делу.

Кабинет астролога порадовал своей просторностью и полной изоляцией от маленького чудовища, которое, кстати, предприняло было попытку прорваться, но было остановлено ласковыми, по-видимому, материнскими руками. Зверь в ребенке взвыл и затопал ногами. К несчастью, ему попалась сильная, а главное, волевая женщина, и схватка закончилась быстро и с полным поражением воинствующей стороны. Берегитесь, агрессоры, русская женщина – это сила!

– Итак, приступим. Ваши координаты Вы мне сказали по телефону, проверьте, все ли верно?

Я бегло просмотрела исписанный лист бумаги и не обнаружила ни одной неточности: несмотря на свою обыденно-жизненную рассеянность, в своей работе он был более сосредоточен. Осталось только выяснить, насколько он точен.

– Может, по чашечке кофе? – предложил Георгий.

Я согласилась.

– Ну что ж, пожалуй, начнем, – в спокойной и доверительной манере начал астролог. – Я Вам признаюсь, уважаемая, что такой интересной и, можно сказать, удивительной аст-

ральной карты, как у Вас, мне еще не доводилось встречать, хотя я работаю в этой области вот уже 12 лет и много людей прошло через этот кабинет.

«Бабла-бла!», как говорят испанцы.

– Признайтесь, у Вас есть такое чувство, что стоите на пороге больших событий, которые повернут Вашу жизнь на 180 градусов? – И, не дожидаясь ответа, продолжил: – Пока в ней все скучно, рутинно. Вы в школе работаете?

Я кивнула.

– Даже очень хороший учитель со временем становится рабом своей профессии, «человеком в футляре». Избежать этого удастся лишь избранным, кто не теряет веры несмотря ни на что: ни на чумное поколение пепси, ни на маленькую зарплату. В Вас такой веры нет, хотя и человек Вы ответственный, и дело свое знаете... Или, к примеру, Ваша семья... Мужем Вы тяготитесь... Нет в нем амбиций... И живете в постоянном напряжении и непонимании: «Почему я здесь?»

– Да, «видно, высокое у меня было предназначение, да не угадал я его: и чувства высокие, и мысли...», – не удержалась и процитировала я.

– А Вы не иронизируйте над своими, как Вы их называете, «высокими чувствами». Не каждому это дано, не каждый находит силы начать все сначала, с нуля, а Вы сможете!

Мы знакомы? Конечно, нет. Его имя я нашла в газете, среди многих других объявлений это понравилось спокойным,

некичливым тоном. Живем мы в разных районах города, и, в конце концов, это не сыскное агентство! Скепсис в человеке с университетским образованием при таких визитах всегда неизбежен, но этот странный человек сумел за считанные мгновения мягко убрать маску образованности и вернуть меня в лоно матери-природы. Он знал все о моем настоящем не хуже моей подруги, каким-то образом проник в сферу моих чувств (и угадал их!) и теперь предстояло войти в мое будущее. Вот теперь стало по-настоящему страшно.

Когда я вышла на улицу, было темно, а дождь моросил еще чаще. Плотнее запахнула пальто, накинула капюшон и обрадовалась, что я могу побыть наедине с дождем, обдумать услышанное. Оставалось одно: ждать подходящего случая, потому что все уже было решено...

16 июня

Надежды юношей питают...

А. С. Пушкин

Прощальный бенефис на «Ла Фарола». Заработала 1200 песет за полтора часа, народ ко мне уже привык. Педро, разумеется, тоже пришел, но я ему ничего не сказала: сама еще толком ничего не знаю, да и с какой стати? Как встретились, так и разошлись.

Ближе к обеду мы с Ирой отправились с визитом к дону Лео. Оказывается, пока я на газете деньжищи зарабатывала, он несколько раз звонил Ирине. Та тоже осталась довольна визитом, говорит, вполне приличный дедуля, даже пообещал со временем позаботиться о моей легализации. Да и мне так кажется, в смысле, что неплохой парень.

Странные повороты делает судьба. Еще студенткой мне довелось подрабатывать в домашнем сервисе перестроенной России. Тогда я жила в Питере и получала аж сорок рублей стипендии, которые целиком уходили на оплату жилья. Мама тоже посылала денег «на жизнь», но их почему-то всегда не хватало.

Когда я в очередной раз искала комнату, темноглазая еврейка предложила мне ее бесплатно, а в обмен на это я должна была выполнять кое-какие домашние обязанности. Бар-

тер показался мне интересным и взаимовыгодным. В скором времени круг этих обязанностей стал расширяться с неимоверной быстротой, ну а затем и вовсе произошла неприятная история, из-за которой меня быстро выпроводили.

У моей хозяйки – молодой разведенной женщины с семилетним ребенком – был любовник. Так, ничего особенного, но моя Лиза была от него без ума. Вчетвером мы пытались разместиться в двухкомнатной квартире: одну комнату занимала я, другую – маленький Пашка, ну а парочка размещалась на кухонном угловом диване. Как правило, наутро, до того как мы с Пашкой проснемся, наш герой-любовник исчезал. В одно серое питерское утро я вошла на кухню с единственной целью – позавтракать, а обнаружила обнаженного мужчину, с удовольствием потягивающегося после сна. Почему-то я не закричала в голос и не выскочила из комнаты, как подобало бы благовоспитанной девице, а целенаправленно продолжила движение в сторону плиты: мужчины – даже голые – мужчинами, а завтракать тоже надо вовремя, иначе не успею в институт.

Вечером, когда я вернулась с занятий, забежав по дороге домой в химчистку, Лиза встречала меня у порога. Сначала она меня долго отчитывала и стыдила, спрашивала, заходила ли я в спальню к родителям, а затем и вовсе указала на дверь. А чего стыдить-то! Во-первых, я не специально, во-вторых, никого не рассматривала, а в-третьих, я не в спальню зашла, а в место общего пользования!

...Страшно, немного страшно, что там скрывать: и насчет уборки – есть же какие-то особенности, и насчет готовки – вообще не знаю я испанскую кухню, а самое главное, насчет языка. Дай Бог нам обоим терпения и великодушия!

Как будто славный сеньор: комнату дал большую, с террасой. Да и заработок в четыреста долларов. Разве в России могла бы я так заработать? Думаю, вряд ли. Так что, «прощай, немытая Россия, страна рабов, страна господ»... До встречи в Испании, мои любимые крохи, здесь вы станете господами!

17 июня

*Пока ты жив, пока теплится в жилах кровь,
будь любезен делать вид, что под кожным покровом
у тебя нет ничего похожего на кровь, ничего
похожего на кости.*

Г. Миллер

Ранним утром в воскресенье, когда летняя жара еще не набрала силу и улицы почти пусты – без машин, автобусов и людей, спешащих на работу, – это мое время для прогулок. Воздух в это время по-особому прекрасен свежестью фонтана, прохладных тротуаров, легким ветерком, едва шевелящим крупные листья каштанов, и ароматом кофе, мощной струей вытекающим из всех открытых в это время кафе и баров.

Я иду по виляющей во все стороны улочке, и за мной следом вьется аромат крепкого кофе. Иногда я захожу в бар и заказываю чашечку едва разбавленного молоком кофе – «кафе кортадо». Это мой секрет, потому что считается неприличным тратить деньги на капризы, когда их нет на повседневные нужды. В глубине пуританской души я с этим постулатом согласна, но в моей нынешней жизни так мало радостей...

Собираю чемоданы. Опять дорога. Дай Бог, чтоб к лучшему.

Звонил мой бывший. Я была практически спокойна, когда Вася протянул трубку мобильного и сказал: «Олежка на проводе». Высокие слова, возвышенные порывы, понимание произошедшего, желание исправиться – все как прежде: советский романтик. А нет, есть новость: «он скоро приедет, чтобы мне стало полегче и чтобы я потерпела и ему не изменяла». Честное слово, мне стало смешно: пока мы жили вместе, он утверждал, что физическая измена ничего не означает, главное – родство душ, а как только разошлись, все вновь стало на свои природно-законные места.

...Я намеренно не хочу говорить о любви. Как правило, люди часто путают ее со страстью. А страсть проходит через два-три года после первой вспышки – доказано наукой... И что же остается? Почему мы хотим быть вместе? Или, наоборот, не хотим?

Женщина нуждается в нескольких вещах со стороны мужчины: внимании, понимании и восхищении. И нам, женщинам, тоже необходимо восхищаться своим мужчиной, гордиться им и, как это ни грустно признавать, нуждаться в нем как социально, так и экономически. В противном случае отношения становятся неуместными, начинают раздражать, а потом умирают.

Наши с Олегом отношения издохли. По многим причинам. А самое главное, я поняла, что сильная и что в нем не нуждаюсь. Особенно здесь, за четыре тысячи километров от родного дома.

18 июня

*Я мечтою ловил уходящие тени,
Уходящие тени погасавшего дня...*

К. Бальмонт

Я устала и хочу домой, к маме: отдохнуть, поплакать, набраться сил. Или просто затаиться на всю оставшуюся жизнь и уже никогда не вылезать из норы. Была бы верующая, ушла б в монастырь. Пусть даже католический...

Вчера на какой-то момент мне стало страшно: я ощутила себя душевнобольной, неадекватной. Все меня раздражает и ранит...

Вчера Ирина разразилась сентенцией из-за поварешки, которую я закинула в посудомоечную машину, а не вымыла руками. В заключение нравоучения она отмыла половник и покрутила им у меня перед носом, мол, вот так поступают умные, хорошие, неленивые люди. Мне ужасно захотелось плюнуть в лицо глупой бабе и послать ее ко всем чертям! Эмоциональная интеллигентность ей не под силу. Ирина черства и безучастна к людям, даже к самым близким. Ну не дано человеку, что ж поделаешь...

...Главное для меня – это сохранить душевный покой, уверенность в силах, желание жить, продолжать бороться, покорять, быть первой... Ни в коем случае не потерять ощу-

щение радости бытия, того, что имею – мою вечную душу, что птицы, что весна, что смех ребенка...

Я думала, что самоубийство лучшего друга излечило меня навсегда от дурацких мыслей о «бесконечной бесцельности мира». А может, и нет... Если бы не колоссальное чувство ответственности, разве бы я думала? Разве бы я не выбрала давным-давно?..

Ненавижу это мерзкое прозябание, это жалкое существование, эти никчемные, обиденные интересы, эту серость перед телевизором, это ненужное соседство в кровати, которое не греет, этот поцелуй со сжатыми в линию губами, этот немилостивый взгляд, если не думаю одинаково... Что могло бы меня удержать возле давно не любимого? Желание однозначно выправить ситуацию? А разве не наоборот: продолжать быть с ним – значит оставаться в болоте обиденности, которое с каждым шагом засасывает все глубже? Он это тоже понимает, потому и не удивлен, узнав, что стансы вместе с половецкими плясками закончились.

Заслужила ли я хоть какое-то пристанище? Видать, нет. Иду, как вечный жид, в поисках очередного шатра, куда меня, быть может, прибьет на ночь. Живи этим днем, завтра наступит завтра. Не имей много вещей, они мешают в дороге. У меня есть дочь, которая нуждается в нормальной матери, нормальном детстве, друзьях, игрушках... Гребаное чувство ответственности!

19 июня

*Вам ли, любящим баб да блюда, жизнь отдавать
в угоду?!*

В. Маяковский

Нет ничего лучше для преодоления душевного кризиса, чем работа с иностранцем! Пока напрягаешься, чтобы его понять, начисто забываешь о переживаниях, связанных с телефонным звонком бывшего супруга. Аллилуйя! Он там, а я здесь, и ему до меня никогда не добраться! Свободна!

Пока моя работа мне нравится. По утрам мы идем в парк наматывать километры, спокойно, без лишней спешки. Во время прогулки дон Лео сообщает мне названия растений и цветов, просто предметов, я тут же, присев на корточки, записываю новые слова в блокнот, чтобы поучить попозже, и бегу догонять сеньора. Он останавливается, поджидая меня, успокаивающе помахивая рукой, мол, не торопись, а то запыхаешься. Ближе к полудню мы возвращаемся из парка и идем за покупками. В магазине у меня прежняя задача: запоминать слова, теперь из области продуктов.

Около часа приходит Маргарита – бывшая домработница дона Лео: учит меня готовить «Сопа де Мариску», иначе говоря, суп из морепродуктов. Я записываю рецепт, внимательно наблюдаю и запоминаю, через полчаса мне дают

попробовать приготовленное блюдо: батюшки, да я в жизни ничего более вкусного не ела!

После обеда дон Лео отправляется спать, это называется «эчар уна сиэста», а у меня появляется время повторить новые слова и поучить грамматику.

За ужином, под грохот телевизора – мой старичок глуховат – происходит странный разговор.

– Ты ведь замужем? – спрашивает дон Лео.

– Да, – не моргнув глазом вру я. Вопрос «о замужестве» мы с Ирой давно обсудили: у замужней женщины меньше проблем с мужчинами независимо от их возраста, национальной принадлежности и семейного положения.

– И ты говорила, что у тебя есть дочь?

– Так и есть.

– Сейчас молодежь живет по принципу: дети от мужа, а все остальное при помощи презерватива, – и гаденько так засмеялся.

У меня похолодело от страха внизу живота, но я собралась с силами и ответила:

– Я так не думаю, и я так не живу.

Дон Лео еще больше развеселился на мои заявления, да так, что из глаз у него потекли слезы.

– Иди сюда, сядь мне на колени, детка. Да не бойся, меня уже не надо бояться.

Я отрицательно помотала головой и на всякий случай отступила на шаг. Старик опять расхохотался:

– Я шутил, просто шутил, глупая!

Меня он оставил в недоумении. Что он собой представляет на самом деле, этот дон Лео? Будут ли у нас нормальные служебные отношения или отставному военному нужны сердечно-служебные? Н-да, настроение паршивое.

20 июня

*Чтобы одно очистить, надо другое запачкать.
Закон Неразумного Сохранения Грязи*

Утром опять пришла Маргарита, чтобы научить меня купать старикана. Дело это нехитрое: набирается ванна, добавляется душистая пена для старых костей, ну а потом надо тереть его мочалкой. Интимные места, слава Богу, он моет сам. Чистенький дедуся обматывается огромным полотенцем, обрызгивается одеколоном («Кельвин Кляйн»! Спортивный парень, ничего не скажешь!), а в заключение получает легкий массаж.

Я все время была лишь наблюдателем, но когда дошли до массажа, дон Лео потребовал, чтобы Маргарита уступила место мне. Граждане, ему понравилось так, что он застонал от удовольствия!.. А я ведь ничего особенного не делала: обычные массажные приемы, которые в свое время мы изучали «за компанию» с подругой, которая собиралась эмигрировать в Израиль. Марина была еврейкой больше по убеждениям, чем по рождению, так как известно, что мудрый народ отводит отцу минимальную роль и дитя получает фамилию и национальность благодаря матери. Несмотря на то, что ситуация у Марины была прямо противоположной, она выучила иврит, добилась разрешения от израильского правительства

на въезд и довольно успешно пыталась приучить себя и семью к мысли, что ничего плохого в ношении звезды Давида нет, что знание Талмуда расширяет сознание и образование и что призыв Танюшки в армию там все же не так страшен, как призыв Алеши в армию здесь. Твердо убеждена она была лишь в том, что из сегодняшней России надо уезжать во что бы то ни стало.

Так вот, Марина и привела меня на эти курсы, полагая, что и мне не повредят базовые знания в умении делать что-либо руками. Такая практичность с ее стороны позволяет нам обоим заработать на кусок хлеба на противоположных берегах Средиземного моря.

Похоже, что придется эту петрушку с купанием терпеть два раза в неделю. Пока Маргарита со мной рядом, я спокойна, а вот что буду одна делать – вопрос.

Сама себе напоминаю храброго солдатика, который сражается с закрытыми глазами.

21 июня

Когда события принимают крутой оборот, все смываются.

Закон Линча

Как выяснилось, не зря я опасалась. Сегодня этот старый козел попытался усесться мне на колени в позе «лицо к лицу». Разумеется, юбка высоко задралась на бедрах, в то время как хозяин торопливо мямлю мне грудь. Такое поведение, мягко говоря, не совсем совпадает с моими представлениями о дружбе или взаимоотношениях между работницей и нанимателем. Не понимаю, почему Лео неприятно удивился, когда я ему сказала:

– Но, дон Лео, но...

Накрыла ему ужин и заперлась в ванной комнате, пытаюсь побороть подступившую тошноту. Через минуту слышу:

– Суси, иди сюда!

Я вышла из моего убежища:

– Что случилось? – довольно недружелюбно спросила я.

– Почему ты со мной не ужинаешь?

Боясь разреваться, я только махнула рукой и убежала.

Через час старый павиан попытался объясниться, называя то, что он сделал, «жестом дружбы». Я попросила закрыть тему и не возвращаться к ней вновь. Настырный сообщает,

что его народ, то есть испанцы, гораздо более открыты в вопросах секса и полов.

– У нас разные культуры, – делаю сам собой напрашивающийся вывод я.

– Именно! – горячо соглашается дед, не понимая иронии.

Ну и ладно, как говорится, консенсус был достигнут, хотя у меня и оставалась куча вопросов. Наконец, я поняла чувства глухонемого Герасима, когда есть, что сказать, но – черт побери! – не знаешь, как.

22 июня

«Возлюби ближнего своего» – это значит прежде всего: «Оставь ближнего своего в покое» – и как раз эта деталь добродетели связана с наибольшими трудностями.

Ф. Ницше

Кажется, я уже могу начинать «Записки из дурдома». Новая глава называется «Воскресенье, или Как выдурить выходной день». После бурных дебатов было решено, что хотя в принципе я не устаю на работе у Лео – и это сушая правда – мне полагается шесть часов в субботу – с 16.00 по 22.00 и в воскресенье – целый день с возвращением в 22.00. Иначе говоря, ночевать я обязана у него в доме. А я размечталась о небольших посиделках, о длинных беседах на родном языке, о рюмочке-другой коньяка или о дискотеке, а тут нате, обломитесь, гражданка домработница!

Похоже, что мой работодатель не кто иной, как рабовладелец. Следит даже за тем, чтобы я каждую ночь чистила зубы и принимала душ, опасаясь, вероятно, что в варварской России такие привычки не в ходу. Что касается моей личной половой жизни, так и тут ему интересно, отсюда и вопросы о детях и о презервативах, отсюда и указание ночевать в доме... Ну разве это не рабство?

У меня начали появляться шаловливые мысли о сексе. И

все из-за Лео, черт бы его побрал с его идиотскими вопросами и поведением! Думала, что я себя забронировала, но уж очень жаркое здесь солнце, слишком уж чересчур наполнено все жизнью, да и времени прошло, старушка, предостаточно. Эх, молодость, молодость...

Становится абсолютно понятно, что долго выдержать рабскую жизнь не получится, я совсем по-другому устроена. Готова работать и отдавать свои силы и труд, но мое личное пространство должно оставаться моим личным пространством, и никто, никто не имеет право посягать на него. А рабство – даже у меня на родине – отменили еще в позапрошлом веке, дон Лео!

Попытаюсь продержаться хотя бы месяц, чтобы хоть немного подкопить денег: на жизнь и на квартиру, а потом ухожу, однозначно ухожу!

Вечером, как полагается, совершилось омовение, на этот раз один на один. После ссоры вел себя прилично, даже не сделал ни одного идиотского комментария.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.